

НА ЛЮБОВЬ

нерушимую
и верность голубиную

100

заговоров и обрядов

ЗАГОВОРЫ
печорской
целительницы
Марии
Федоровской

Ирина Смородова
Заговоры печорской
целительницы Марии
Федоровской на
любовь нерушимую и
верность голубиную

Текст предоставлен изд-вом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179805

*Заговоры печорской целительницы Марии Федоровской на любовь
нерушимую и верность голубиную: АСТ; Москва; 2007*

ISBN 978-5-17-045354-2

Аннотация

Целительницы и знахарки Федоровские помогают людям уже более трех веков. Они из поколения в поколение передают заговоры и специальные обряды для лечения тела и души, исполнения желаний. До сих пор старообрядческие заговоры Федоровских не публиковались. Это первая такая книга. В ней потомственная печорская целительница Мария Федоровская советует, как привлечь в свою жизнь любовь и, наоборот, избавиться от бесплодного, пагубного чувства. В книге заговоры

и ритуалы на любовь, заговоры для удачного брака, покоя в доме и пр.

Содержание

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ	5
МОЕ ЗНАКОМСТВО С МАРИЕЙ ФЕДОРОВСКОЙ	7
Предыстория знакомства	7
Мария Федоровская	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ирина Смородова Заговоры печорской целительницы Марии Федоровской на любовь нерушимую и верность голубиную

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Заговоры и заклинания, а также всевозможные обряды народной магии – вещь удивительная. Они как будто живут своей жизнью. До поры до времени их знают только посвященные, а потом они всплывают на поверхность жизни, становятся многим известны. Если использовать их с умом и по делу – помогают. Если кто-то займется ими не подумав или из любопытства, может только навредить и себе, и окружающим. Всегда хорошо подумайте, прежде чем их использовать. Потому что, творя магическое действие, вы перестраиваете сложившийся мир. А в мире все взаимосвязано. И если поменяется что-то одно, это вызовет неизбежную цепную

реакцию перемен. Готовы ли вы взять на себя ответственность за любые перемены, которые произойдут после вашего действия? Готовы ли принять их и жить далее с ними? Готовы ли отказаться от дорогих вам людей и сблизиться с теми, с кем сблизаться не было в ваших планах (это может произойти; произойти после магического действия, пусть кажущегося вам совершенно невинным, может в принципе все, цепная реакция всегда непредсказуема)? Действительно ли вы не можете достичь того, чего страстно желаете обычными, немагическими способами? Так ли необходимо задействовать непонятную и непредсказуемую энергетику заговоров и ритуалов? Никогда не ставьте экспериментов с заговорами, относитесь к ним очень серьезно, прибегайте к ним только в особенных ситуациях. Не пренебрегайте личной защитой – обязательно принимайте меры, чтобы ваше действие не обернулось против вас.

Это предупреждение я обязалась писать в начале каждой книги заговоров печорской целительницы Марии Федоровской. Она просила меня обязательно оповестить всех читателей, что нельзя всем этим заниматься просто так. Только по большой нужде и необходимости. Только беря на себя ответственность за все, что произойдет далее.

МОЕ ЗНАКОМСТВО С МАРИЕЙ ФЕДОРОВСКОЙ

Предыстория знакомства

Мне было двадцать лет, я училась в университете и ездила в фольклорную экспедицию в Коми АССР, на Печору, в маленькие деревушки усть-цилемского района. Собирали старообрядческие песни, заговоры, обряды. Старообрядцы – удивительные люди. Они хранят культуру и воззрения XVII в., стараются одеваться в одежду, отшитую по фасонам их далеких предков, которые после церковного раскола переселились на Север. Старообрядцы не признают технического прогресса, не пользуются никакими бытовыми приборами. Стоит больших усилий разговорить их – они настороженно относятся к «чужим», даже не едят с людьми другой культуры из одной посуды. И тем не менее контакт возможен: надо искренне интересоваться их устоями, расспрашивать о том, что им по-настоящему близко, осуждать проделки патриарха Никона, введшего новый церковный устав, вспоминать сожженного заживо протопопа Аввакума – культовую для них фигуру. Нас специально учили общаться с носителями старой культуры; каждый из нас должен был приготовить рас-

сказ об университете и о том, как важно собрать и сохранить образцы народного творчества – в этом рассказе непременно должно было присутствовать нечто трогательное, чтобы расположить к себе старообрядцев. И вот во время экспедиции я познакомилась с Клавдией Сергеевной Федоровской, местной знахаркой. К ней никто из наших не хотел идти, говорили, очень строгая. И то сказать, она хоть и старая, а всегда ходила с прямой спиной, в специальном печорском сарафане, на голове – платок, говорила громко, на всю улицу, как кричала. Я на нее посмотрела-посмотрела, и меня взяло любопытство. Ну что за дела такие, все ее боятся, стороной обходят. А она, наверное, больше всех во всей Усть-Цильме знает всяких песен, да быличек, да сказок. А уж заговоров – и само собой, она ж вроде как колдунья! И я решила, что обязательно добьюсь того, чтобы она со мной поговорила и что-нибудь важное для нашей фольклорной экспедиции позволила мне записать со своих слов. Стала я к ней ходить. Сначала она меня гнала из дому, даже пугала, кричала на меня, что «отхлещет вицей» (грубой суконной рукавицей), что меня «шишок послал» (черт). Однако я не сдавалась. Три дня подряд приходила к ней, кроткая, в длинной юбке и платочке (для работы со старообрядцами необходима такая форма одежды; с простоволосой женщиной в брюках они категорически не станут иметь дела). На третий день Клавдия Сергеевна пригорюнилась, села на крылечко, подняла на меня свои старые, мудрые глаза, внимательно посмотрела и негромко сказала:

«Ну цо ходишь, девка, цо ходишь? Извелася вся и меня извела. Цо надо-то тебе от меня?»

Мне показалось, что она посмотрела мне прямо в душу. И тут мне стало ясно, что не буду я с ней «работать», как с прочими респондентами. Не нужен мне от нее никакой фольклорный материал! Тут другое! Я почему-то сразу поняла, что она мне поможет, нужно только попросить о помощи. Я тогда страдала от безответной любви и не знала, что с собой делать. А тут просто в голове щелкнуло: вот он, случай обратиться к человеку, который все может, любую беду руками разводит! И я вместо того, чтобы рассказывать об университете и наших фольклорных изысканиях, вдруг, неожиданно для себя, выпалила: «Тяжело мне, Клавдия Сергеевна. Сердце разрывается от тоски любовной. Не могу ни есть, ни пить, ни спать. Все о нем да о нем думаю. Света белого не вижу. А что делать, не знаю. Помоги».

«Вот я и вижу, не просто так ты ходишь тут. Пошли в дом». И она повернулась и пошла, не сделав никакого приглашающего жеста. Мне стало не по себе, страшновато. Но я пошла за ней. В темных сенях Клавдия Сергеевна велела мне разуться. По полу тянуло холодом. Помню, я подумала: «Дует». Дверь низкая. Комната за ней маленькая, с закопченными стенами и потолком. И тоже по ногам как стужей тянет, хоть вроде и натоплено. В углу – старообрядческие иконы, все черные. Лампадка теплится перед ними. На столе, покрытом старой, но чистой клеенкой, старинная книга с тор-

чащей из нее кожаной закладкой. Связка неказистых тоненьких церковных свечек. Пахнет чем-то сладковатым, то ли ладаном, то ли травами. По стенам их пучки развешаны. Оконца маленькие, какие-то полупрозрачные, как слюдяные. На подоконнике в горшке сиреневая травка полосатая. Давно не беленная печка. На припечке серая кошка сидит, жмурится, тепло ей. «Садись», – велела Клавдия Сергеевна. Я присела на колченогий табурет у стола, она сама – на скамью напротив. Водрузила на нос старые очки, открыла свою книжку, забормотала: «Исуса Христа, сыне Божий, помилуй мя, спаси и сохрани, убереги в волях и неволях, в долях и недолях, от глаза черного, от смерти неминучей, от чирьев и родимцев, от всего худого и сведи все худое в землю, в горячий песок, под камень-анадырь, под гремучий ключ. Ныне и присно и во веки веком. Аминь». Она трижды осенила себя старообрядческим двуперстным знаменiem, закрыла книжку, сдвинула вниз очки, словила мои глаза и сказала: «Говори».

И я рассказала историю своей незамысловатой любви. Был у меня однокурсник, по которому сохла. А он внимания не обращал никакого. И я не знала, что такое придумать, чтобы с ним быть. «Эх, девка... – вздохнула она. – Делать тебе неча. Придумают себе любовь, маются потом. Что с тебя возьмешь. Пошли обратно в сени». В сенях она подвела меня к большой дубовой кадке с водой и велела сказать имя того парня. Я сделала это. Было как-то жутковато. Я чувствовала

ла, что на самом деле происходит какое-то колдовство. Или сейчас произойдет. Смутно было на душе и беспокойно. Я наклонилась над кадкой и, глядя в черную холодную воду, произнесла: «Николай». То ли от моего дыхания, то ли от с трудом вымолвленного слова вода пошла рябью. Но тут же успокоилась. Клавдия Сергеевна наклонилась над кадкой, вглядываясь в воду, зашевелила губами, что-то забормотала, я поняла только последние три слова: «...чур меня, чур, перечур». Потом она взяла меня за руку и потащила обратно «в горницу». Ладонь у нее была горячая и очень сильная, такой нельзя не послушаться. «Садись и слушай, – велела она. – Это не твой человек. Тебе с ним не помирать». Я заплакала и стала просить что-нибудь сделать: «Понимаешь, мне без него света не видно, не могу я без него, не могу...» «Упрямая коза, – Клавдия Сергеевна то ли сочувственно, то ли осуждая хлопнула меня по голове своей сильной ладонью. – Почему думать не хочешь наперед? Только подавай тебе то, что сейчас нужно, а вперед не смотришь?» «Да не хочу я вперед, хочу, чтоб он со мной был, не могу без него, не могу...» – «Ну, заладила, как кукушка бесноватая. А и бери его, раз так хочешь. Только все равно он не твой и твоим не будет никогда». «Так и сделать ничего нельзя разве?» – причитала я. «Сделать можно, только ты всегда будешь знать, что жизнь твоя с этим человеком на самом волоске висит. Чуть сильнее потянуть его – и все порвется, и как не было». – «Если знаешь, как помочь, помоги!..» – «Да выпороть тебя крапивой –

вот и вся помощь!» — «Помоги мне с ним быть!» «Ох упрямая, ох упрямая, — вздохнула Клавдия Сергеевна. — Ладно. Сделаешь так. Как вернешься в город, пойдешь к его дому, возьмешь горстку земли, на которую он наступал, у двери в дом, принесешь к себе домой, положишь в глиняный горшок, посадишь в него змеиную травку, польешь и накроешь стеклянной банкой. Скажешь: “Травка змеиная, расти-завивайся, а ты, раб Божий Николай, вокруг рабы Божьей Ирины заплетайся. Исуса Христа, помогай играючи. Ключ. Язык. Замок. Аминь”. А бумажку из-под травки сожги и пепел в горшок брось, поверх земли. И главное — не говори никому ничего. Как сделаешь, жди, положишься на Божью волю. Как первый листик у травки вырастет, так твой Николай к тебе придет. Выйдешь за него через полгода. Потом найдешь меня, научу, что дальше делать. А теперь бери траву и иди, не оглядывайся и о том, что у меня была, не говори никому». С этими словами Клавдия Сергеевна оторвала маленький стебелек от травки, что росла у нее на окне, завернула в пожелтевшую бумажку, в которой раньше были завернуты свечки, открыла передо мной дверь в сени и даже подтолкнула меня в спину на пороге.

Мне было очень не по себе. И я решила, и правда, никому не рассказывать, как побывала у Федоровской. Когда ребята меня спросили, попала ли я к ней, я отмахнулась: «Опять она меня прогнала. Больше не пойду уже. Надоело». Через два дня экспедиция закончилась. Я вернулась домой и сде-

лала все, как мне велела Клавдия Сергеевна. Честно говоря, я думала, что отросток травки не примется, завянет, уже завял, пока я его из экспедиции домой везла. Но он выглядел свеженьким, как будто его только сорвали. В общем, посадила я ту травку. Через пару недель увидела, что она дала новый розоватый листочек. И в тот же вечер слышу стук в дверь. Открываю – Коля мой на пороге. Какой-то взбудораженный, странный. Говорит: «Вот, мимо твоего дома проходил, и меня как торкнуло что-то, что надо зайти. Даже еще и не придумал предлога никакого». Я сказала: «Да проходи, и не нужно предлога». В тот вечер он у меня еще не остался, но через неделю мы уже жили вместе. А там и поженились, как раз через полгода после моего возвращения из экспедиции. Но я все время помнила о том, что Федоровская мне сказала, что это не мой человек и что нужно найти ее, как замуж выйду. Я уже была беременная и не могла поехать в Усть-Цильму, но написала ей письмо и передала с добрыми людьми. Она мне в ответ тоже прислала весточку: положила в конверт три рубля бумажкой (это был конец 1980-х годов; тогда еще трехрублевые бумажки имели хождение в СССР). Написала их не тратить, а хранить: пока хранишь, будет твой при тебе, а как потратится денежка – так и семья ваша на нет сойдет. Я спрятала эту трешку подальше от греха и почти забыла о ней. Жили мы с Колей нормально. Родился сын, через год – дочка. И тут страну начало лихорадить, в магазинах хоть шаром покати, цены скачут, разброд и шатания.

Я не работала, с детьми сидела. Коля был молодым специалистом, ему платили смешные деньги. Нам иногда хлеба и молока было купить не на что. И вот я однажды пошла гулять с детьми, прихожу, а Коля довольный такой, говорит: «Я курицу изжарил». Я говорю: «Где ж ты ее взял-то? Дома ничего нет, ни продуктов, ни денег». А он отвечает: «Да я в кладовку полез, надо было молоток достать. А там света нет. Я шарюсь на полке – и мне какая-то бумажка в руку попала. Вышел в комнату, гляжу – а это трешка целая. Прикинь, у нас там заначка была, а мы и не знали про нее!» Я только вздохнула тяжело. Знала я про эту заначку. И знала, что конец пришел моему счастью... Конечно, я мужу ничего не сказала. Курицу мы съели, я его даже похвалила, посмеялась с ним. Но с этого времени у нас в семье начались разлады. А через год мы с моим Колей развелись, ушел к другой. Я погоревала, конечно, поплакала, но что делать? Меня же Клавдия Сергеевна обо всем предупреждала. И знала я, что будет плохо мне, да все равно решила, что лучше плохо пусть будет, чем вообще никак. Ну, стала детей поднимать, как-то крутиться. Понемногу и жизнь начала налаживаться. Я старалась про старое не вспоминать. И про Клавдию Сергеевну на время забыла.

С тех пор прошло много лет. Дети выросли. Сама я вышла замуж во второй раз, работаю в редакции одной газеты. И вот получаю предложение написать про современных колдунов и знахарей. И тут же вспоминаю Клавдию Сергеевну

Федоровскую. Нашла старую записную книжку с ее адресом.
Написала. Долго не было ответа.

Мария Федоровская

Наконец пришло письмо от ее внучки Марии Семеновны Федоровской. Баба Клава умерла два года назад. Перед смертью передала свой дар Маше и сказала: «Когда я умру, станет меня искать одна моя старая знакомая. Будет у нее ко мне дело. Ты ей скажи, что меня уже нет, но я перед смертью тебе велела с ней встретиться, поговорить. Если будет спрашивать, расскажи ей, что знаешь, про настоящее колдовство и ведовство. Мы с ней как-то давно об этом так и не поговорили. А надо было. А то они там в городе делают что попало, судьбу свою портят, жизнью играют, и своей, и чужой. А потом все расхлебывают – не расхлебают». Мария Федоровская писала мне: «Очень хорошо, Ирина, что вы нашли. Обязательно нам надо увидиться и поговорить. Думаю, что смогу ответить на все вопросы, которые вы собирались задать бабе Клаве». Письмо Марии Федоровской заинтриговало меня. Я решила предложить своему шефу сделать материал сразу на несколько статей. Он на меня посмотрел удивленно: «А я как раз хотел с тобой об этом посоветоваться. Хотел спросить, сможешь ли сделать серию статей. Если пойдет, потом бы и книгу из этого слепили». Я ответила, что, пожалуй, смогу. Только надо сначала доехать до Печоры и разобраться там со всеми делами на месте.

Встреча

На том и порешили, и я поехала в командировку в Коми. Встретилась с Марией Семеновной. Она живет в доме, доставшемся ей от Клавдии Сергеевны. Я поразилась, как хорошо помню избу, в которой была много лет назад всего один раз: все те же темные сени, в углу — дубовая кадка с водой; по ногам все так же сквозит; все тот же стол посреди темноватой комнатки, на нем — книга в переплете темной кожи с тяжелыми желтоватыми страницами; связка церковных свечек; перед старинными иконами все та же лампадка. И кошка жмурится на припечке — только эта рыжая. И на подоконнике мирно завивается змеиная травка. Только передо мной не старая грозная усть-цилемская знахарка, а молодая статная женщина, которой на вид не дашь более тридцати. На вопрос, сколько ей лет, Мария Семеновна мне сказала: «Это никакого значения не имеет. Сколько годов, все мои». У Федоровской длинная толстая льняная коса, светлые глаза. Роста среднего, стройная. Ходит не в традиционном усть-цилемском сарафане, как ходила Клавдия Сергеевна, а просто в длинной юбке и кофте. Но голова всегда повязана платком. Живет Мария Семеновна в доме одна. У нее две кошки, собака, корова и куры. Летом Мария Федоровская занимается огородом. Нигде официально не работает. Лечит людей, которые к ней приходят со всей округи. Кто-то приезжает и из-

далека. Мария Семеновна себя никак не рекламирует, определенной таксы за прием у нее нет: кто сколько даст, то она и берет. «Нельзя не брать ничего за свою помощь, – сказала мне она. – Иной раз человек совсем беден, а все равно должен расплатиться. Вещь, деньги, еда – все плата. Взял плату – значит не по своей воле сделал, а тебя наняли. Тогда и спрос не с тебя, а с того, кто нанимал. Ведь все, что я делаю, даже если кому-то здоровье возвращаю или жизнь продлеваю, – вмешательство в судьбу. Я делаю наперекор Божьей воле. А Божья воля – закон, с которым спорить нельзя. Обязательно за это прилетит». Я спросила ее, почему она при своей завидной красоте не замужем, не имеет детей. «Родных жалко, – ответила она. – На знахаря всегда прилетает. Даже если хорошо защищен, все равно. Потому мы, настоящие ведуны да травники-целители, всегда одиночки. Лучше за все одному платить, чем детьми своими рисковать, их под удар ставить». «Значит, твоя бабушка была исключением?» – спросила я. «Нет, у нее тоже своих никого не было. Я ей двоюродная внучка. Придет время – и я свое наследство кому-то из родственников оставлю». – «Так ведь это плохой подарок-то? Обречь женщину на безбрачие...» – «У каждого свое предназначение по жизни, насильно никто свою силу не передаст. Я приняла от бабы Клавы наследство по доброй воле. По доброй и у меня возьмут». – «А если не возьмут? Я бы вот сильно задумалась, нужно мне такое или не нужно...» «Видишь, Ирина, – ответила она, – у нас, Федоровских, это

родовое. Еще с 16-го века женщины в нашем роду знахарками становятся. Мы все знаем наперед и про себя, и про других. Мы живем еще по дораскольничьим законам. Еще когда наши прапрабабки жили под Новгородом, о них слава шла по всей Руси как о ведуных. И всегда кто-то из внучатых племянниц знахарки с самого детства готовился силу ее перенять. И я тоже, сколько себя помню, знала». – «Скажи, а твое знание как-то связано со старообрядчеством, можно сказать, что ты владеешь раскольничьими заговорами?» – «Конечно. Мои предки в штыки приняли новую веру, потому что она отняла все, что было накоплено. Никон, собака, нас всего лишил, землю из-под ног выбил. Но мы живучие. Нас так просто не задавишь. Перебрались на Печору, здесь нас не достать никому. А появится новый Никон, дальше заберемся, медвежьих углов хватает». – «Ты так непримиримо относишься к новой вере?» – «А как мне с ней мириться? То, что наши сами себя жгли на кострах, – разве забудется? То, что деревнями люди с места снимались, умирали на чужбине, это как?» – «А если к тебе, например, человек новой веры за советом обратится, если надо ему помочь?» – «А помогать всем надо, – неожиданно смягчилась Марья. – Сила должна людям служить. Всех надо выручать. Никуда не денешься. Человек – он не виноват, что принадлежит к какой-то вере. Он, может, другого и не знает. А только бы человек не просил о помощи в бессовестных делах – порчу навести, мужа чужого отбить, еще каких гадостей надумать». – «А ты это

умеешь?» – «Да. Но не делаю. И рецептами этими не поделюсь, не проси, не скажу ничего. Это все от бесовщины».

Как мы решили сделать книгу

Мы почти целую неделю провели с Марией Семеновной в разговорах. Я узнала много нового и неожиданного о современной прикладной магии, заговорной традиции и пр. За это время к ней обратилось около трех десятков человек с разными проблемами. Она заговаривала грыжу, почесуху, родимец у младенца, давала травки от токсикоза беременной женщине, «смотрела» мужа, уехавшего в командировку и не славшего вестей, снимала порчу со скотины, «делала» на супружескую любовь и верность, «отворачивала» привороженного мужика, давала советы, как добиться успеха в денежных делах, как разбогатеть. При мне Мария Семеновна с бранью выгнала одну женщину, которая предлагала большие деньги за то, чтобы навести порчу на жену приглянувшегося ей человека. Федоровская не разрешала мне присутствовать во время приема своих «пациентов» (она их так иногда называет), но рассказывала вкратце, с какой проблемой к ней обратились и что она сделала для ее решения. Меня поразили строгость, мудрость и даже величие этой молодой женщины. О таких говорят – «со стержнем внутри». По возрасту вполне можно было бы называть ее Машей, да у меня язык не поворачивался. И все ее зовут только Марией Семеновной.

Мы много обсуждали мои будущие публикации. Федоровская была категорически «за». Она говорила, что к ней часто обращаются люди, которые неправильно что-то сделали и не знают, как теперь избавиться от последствий. Кто-то сам экспериментирует, а кого-то неграмотный целитель так уделает, что приходится тратить много сил, чтобы вытащить человека из неприятностей, а иногда и болезней. «Месяц назад, – рассказала Мария Семеновна, – приехала женщина из города. Она хотела развести женатого мужчину и выйти за него замуж. Купила книжку заговоров. Выбрала самый сильный приворот и по книжке все и сделала. А потом у нее начались проблемы по женской части. Открылось кровотечение. Врачи ничего сделать не могли. Батюшка церковный велел попросить прощения у женщины, которую она хотела обидеть. Она попросила. Та ее с лестницы спустила. Мужика своего стала караулить день и ночь. Сказала, даже если он будет к ней с ножом приставать, чтобы развестись, все равно не разведется с ним. Да он, оказывается, и не собирался от нее уходить. И вот эта, с кровотечением, приехала ко мне на такси. Слабая, больная, еле идет, вся бледная, глаза потухшие. Я три дня с ней работала. Еле-еле удалось поправить то, что она наделала».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.